

Секова Анна

Аня,
не трогай!

Реальные истории
из моего детства

Любознательство,
фантазия и немного
безобразий – вот и всё,
что нужно для
приключений!

Анна Секова

Аня, не трогай!

<https://litres.ru/74309948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аня, не трогай!

У каждого детства есть свои тайны.

У Ани антресоли, запретные конфеты, папина «профилактика», две табуретки вместо двorca и удивительная способность находить приключения там, где другие находят только неприятности.

Она была хорошей девочкой.

Просто у неё было слишком много идей.

И если вы думаете, что знаете, чем закончится история, не спешите.

Потому что Аня уже что-нибудь придумала.

И, судя по всему, трогать она всё-таки будет.

Содержание

Глава 1. Девочка, которую невозможно было посадить	4
Глава 2. Тайная жизнь антресоли	9
Глава 3. Для профилактики	13
Глава 4. Я решила спрятаться так, чтобы меня никто не нашёл	17
Глава 5. Сливовый сок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анна Секова

Аня, не трогай!

Глава 1. Девочка, которую невозможно было посадить

Я была очень хорошей девочкой.

Просто у меня было слишком много идей.

И ещё я совершенно не умела сидеть спокойно.

Это выяснилось довольно рано.

Стоило взрослым сказать мне:

— Сядь спокойно.

Как внутри меня тут же просыпалось что-то совершенно
противоположное спокойствию.

Я начинала ёрзать.

Потом качать ногой.

Потом смотреть по сторонам.

Потом находила что-нибудь чрезвычайно интересное.

Например, ниточку на ковре.

Или пятнышко на стене.

Или вдруг вспоминала, что мне обязательно нужно по-
смотреть, что там происходит в комнате, подъезде, во дворе.

Причём это «обязательно» было очень серьёзным.

Я могла начать делать одно дело, а через пять минут уже заниматься совершенно другим и искренне не понимать, почему взрослые недовольны.

Особенно сложно было со стихами.

В детском саду или потом в школе нам давали учить стихи, и мама садилась со мной заниматься.

— Давай ещё раз, — говорила она.

— Внимательно.

Я кивала.

Очень внимательно.

Начинала:

— Уронили мишку на пол...

И тут мне обязательно становилось интересно, что лежит под столом.

Я наклонялась.

— Анята!

— Я слушаю!

— Тогда сиди!

Я садилась.

Через минуту снова начинала вертеться.

— Уронили мишку на пол...

— Анята!

— Ну я же не убегаяю!

Пока ещё.

В какой-то момент мама поняла, что обычные методы воспитания против моего характера бессильны.

И тогда появился пояс от халата.

Мама могла посадить меня рядом и слегка привязать этим поясом, чтобы я хотя бы физически оставалась на одном месте.

Никакого особенного драматизма в этом не было.

Просто мама хотела выучить со мной стихотворение.

А я хотела жить.

Жизнь, правда, почему-то требовала постоянного движения.

Так мы и занимались.

Я сидела на стуле.

Привязанная.

Мама напротив.

Стихотворение между нами.

— Ну, давай.

Я тяжело вздыхала.

— Уронили мишку на пол...

— Молодец. Дальше.

— Оторвали мишке лапу...

И тут я начинала смотреть в сторону двери.

Мама сразу это замечала.

— Куда?

— Никуда.

— Тогда на меня смотри.

Я смотрела.

Секунды три.

Потом опять куда-нибудь.

Не знаю, как мама вообще выдерживала.

Наверное, у неё тогда тоже было много терпения.

Потому что у меня терпения не было совсем.

Мне нужно было всё увидеть, всё потрогать, всё узнать и желательно прямо сейчас.

Если в соседней комнате что-то упало я должна была узнать что.

Если на улице кто-то прошёл я должна была посмотреть кто.

Если кошка куда-то пошла следовало выяснить куда именно.

А если мне говорили:

— Не ходи туда.

То в моей голове тут же возникал единственный вопрос:

А почему?

И если ответа не было, то запрет автоматически становился подозрительным.

Сейчас я думаю, что мама просто хотела, чтобы я хотя бы один раз спокойно выучила стихотворение.

А я, кажется, уже тогда тренировалась быть собой.

Поэтому иногда меня действительно приходилось немно-го «зафиксировать» на месте.

И знаете, что самое смешное?

Стихи я всё-таки учила.

Причём довольно быстро.

Стоило мне перестать бегать по комнате, как слова каким-то чудом запоминались.

Так что проблема была не в памяти.

Проблема была в том, что у меня в одном маленьком детском теле одновременно помещалось слишком много любопытства.

Я хотела знать всё.

И желательно не потом.

Сейчас.

Наверное, поэтому моё детство получилось таким шумным, смешным и немного сумасшедшим.

И если бы мне сейчас встретилась та маленькая девочка, которая сидит на стуле, перехваченная поясом от маминого халата и старательно повторяет стихотворение, я бы, наверное, присела рядом.

Посмотрела на неё.

И сказала:

— Ну что, шустрая?

А она наверняка посмотрела бы на меня с самым серьёзным видом и ответила:

— Я вообще-то хорошая.

И я бы улыбнулась.

Потому что я-то знаю.

Она действительно была хорошей.

Просто у неё было слишком много идей.

Глава 2. Тайная жизнь антресоли

Я очень любила антресоль.

Для взрослых это был просто шкаф под потолком.

Для меня совершенно другой мир.

Там хранилось всё самое интересное, что взрослые давно перестали замечать.

Старые вещи.

Какие-то коробки.

Клубки ниток.

Воротники из песка, которые когда-то, наверное, считались страшно красивыми.

Какие-то совершенно непонятные предметы, назначение которых я даже не пыталась выяснять.

Мне было интереснее просто рассматривать.

Я особенно любила делать это, когда дома никого не было.

Залезешь на антресоль, откроешь дверцу и начинаешь своё расследование.

Вот это что?

А это зачем?

А это кто вообще носил?

А почему это до сих пор здесь лежит?

Иногда мне казалось, что если хорошенько покопаться, можно найти настоящие сокровища.

Правда, сокровища почему-то состояли в основном из

старых вещей, ниток и чего-то, что взрослые называли:

— Ой, это ещё пригодится.

Я тогда не понимала, как может пригодиться вещь, которой уже лет сто никто не пользуется.

Но взрослые почему-то были уверены, что когда-нибудь наступит тот самый день.

Поэтому я всё аккуратно рассматривала, а потом складывала обратно.

Очень аккуратно.

Чтобы никто не заметил моего маленького археологического музея.

Однажды я снова полезла на антресоль.

И вот тут моя экспедиция пошла немного не по плану.

Я была в носках.

А антресоль была полированная.

Это сочетание, как выяснилось позже, вообще не предназначалось для приключений.

Я забралась наверх и полезла к дверце.

Нога вдруг поехала.

Совсем чуть-чуть.

Но мне хватило.

Я почувствовала, что сейчас падаю, и совершенно инстинктивно схватилась за дверцу антресоли.

Наверное, в тот момент мне казалось, что я очень ловкая.

Что сейчас я удержусь.

Что сейчас всё будет хорошо.

Не будет.

Дверца, конечно, тоже не ожидала, что однажды ей придётся выполнять функцию спасательного круга.

Я повисла на ней.

Она не выдержала.

И через секунду произошло то, чего я совершенно не планировала.

Дверца полетела вниз вместе со мной.

Я тоже полетела.

Вниз.

На гладильную доску.

Грохот был такой, что, наверное, даже соседи поняли: у нас дома снова что-то произошло.

Я лежала.

Дверца лежала.

Гладильная доска тоже лежала.

И всё вокруг выглядело так, будто здесь только что проходил небольшой ураган.

К счастью, утюг был не горячий.

А был ли он там вообще сейчас уже не помню.

Зато прекрасно помню маму.

Она вбежала на кухню.

Увидела меня.

Увидела гладильную доску.

Увидела дверцу антресоли.

На секунду замерла.

А потом начала одновременно ругаться и смеяться.
Наверное, это вообще очень материнская реакция.
Сначала убедиться, что ребёнок жив.
Потом ужаснуться.

А потом посмотреть на картину целиком и понять, что если не смеяться, то можно только плакать.

— Ты что там делала?!

Я, конечно, могла бы сказать правду.

Что проводила исследовательскую работу.

Изучала содержимое антресоли.

Систематизировала старые вещи.

Проводила научный эксперимент с полированной поверхностью.

Но я решила не усугублять.

Я просто лежала и молчала.

А потом посмотрела на дверцу.

И почему-то первым делом подумала:

А как теперь её обратно приделать?

Вот такой у меня был характер.

Даже после того, как я вместе с дверцей антресоли рухнула на гладильную доску, меня больше всего интересовало, как вернуть всё обратно.

Ведь я ещё не закончила исследование.

На антресоли оставалось столько всего интересного.

И, если честно, я бы полезла туда снова.

Просто в следующий раз надела бы не носки.

Глава 3. Для профилактики

В Белоруссию мы ехали всей семьёй.

Папа, мама, моя младшая сестра и я.

Я очень любила поезд.

В поезде вообще было чем заняться, даже если ничего особенного не происходило.

Можно было лежать на полке и рассматривать всё вокруг.

Окно.

Столик.

Занавески.

Какие-то полочки.

Людей в коридоре.

Потом снова окно.

Потом опять людей.

В общем, развлечений было достаточно.

Мама читала какой-то журнал и постепенно начинала засыпать.

Сестра чем-то играла.

А я просто лежала и всё рассматривала.

В какой-то момент папа решил сходить за кипятком.

Что именно он собирался там приготовить чай, вермишель или ещё что-нибудь, сейчас уже не вспомню.

Но перед уходом он строго сказал:

— Дверь никому не закрывать!

Мы с сестрой дружно:

— Угу.

Папа ушёл.

Всё было спокойно.

Мама лежала.

Сестра играла.

Я лежала.

И тут мама почему-то ногой слегка прикрыла дверь.

Не закрыла.

Именно прикрыла.

Совсем чуть-чуть.

Так, что там оставалась щёлочка.

Для нас это вообще не считалось закрытой дверью.

Но папа, возвращавшийся с кипятком, придерживался другого мнения.

Он подошёл к купе и с той стороны сразу начал возмущаться:

— Блин! Кто дверь закрыл?! Я же сказал дверь не закрывать!

Мы внутри молчим.

Потому что вообще-то никто её не закрывал.

Мама продолжает лежать.

Сестра занимается своими делами.

Я тоже лежу и думаю, что сейчас папа сам откроет дверь и всё выяснится.

Папа открывает дверь ногой.

Заходит с кипятком.

Ставит всё на стол.

И снова:

— Я кому сказал дверь не закрывать?!

И почему-то его взгляд сразу остановился на мне.

Наверное, потому что у меня на лице было написано:

«Я вообще ни при чём, но сейчас почему-то достанется мне».

Так оно и вышло.

Папа меня отругал и для убедительности хлопнул полотенцем.

Не сестру.

Меня.

Потому что, видимо, было принято стратегическое решение:

если в купе что-то произошло, виновата Аня.

Я, конечно, захныкала.

Но не заплакала.

Во-первых, я уже была опытная.

Во-вторых, я действительно не закрывала дверь.

А в-третьих, мне было ужасно обидно.

Я посмотрела на маму.

— Мам, ты же дверь ногой прикрыла.

Мама посмотрела на меня.

— Да?

Я ждала продолжения.

Мама подумала.

— Я что-то не помню.

Вот это было особенно приятно.

То есть человек, который всё сделал, уже ничего не помнит.

А человек, который вообще ничего не сделал, получил воспитательную процедуру.

Я посмотрела на папу.

Потом на маму.

Потом опять на папу.

И спросила:

— А зачем ты тогда меня ругал?

Папа совершенно спокойно ответил:

— Для профилактики.

Я тогда ещё не знала, что такое профилактика.

Но по смыслу примерно поняла.

Профилактика это когда ты ничего не сделал, но тебя всё равно немного наказывают.

На всякий случай.

Чтобы в следующий раз не сделал.

Правда, я до сих пор не понимаю, что именно я должна была в следующий раз не делать.

Дверь ведь закрыла не я.

Но, видимо, профилактика наука сложная.

И, судя по всему, в нашей семье я проходила её особенно часто.

Глава 4. Я решила спрятаться так, чтобы меня никто не нашёл

Мы с сестрой любили играть в прятки.

Но обычные прятки нас, конечно, не устраивали.

Нам надо было придумать такое место, чтобы одна другую потом искала до посинения.

Кто спрятался круче тот и победил.

Мама в это время была на кухне, что-то готовила.

Папы дома не было.

А мы с сестрой носились по нашей маленькой квартире и придумывали, куда бы ещё залезть.

Жили мы в полуторке, поэтому места для настоящих прятков было не так уж много.

Но меня это никогда не останавливало.

Если места нет его надо найти.

И я нашла.

В нашей детской стояла огромная мебельная стенка.

Такая, знаете, настоящая.

Трёхстворчатая.

Тяжеленная.

Подвинуть её самостоятельно было невозможно.

А между стеной и этой мебельной стенкой оставалась небольшая щель.

Совсем небольшая.

Для нормального человека просто щель.

Для меня идеальное место, чтобы спрятаться.

Я посмотрела на неё и подумала:

Вот сейчас я залезу.

Сестра меня точно не найдёт.

Я буду самым великим мастером прятков.

И полезла.

Сначала всё шло прекрасно.

Я протиснулась внутрь.

Потом ещё немного.

Ещё.

И вот я уже спряталась так хорошо, что сама собой начала гордиться.

Но была одна маленькая проблема.

Когда я полезла обратно, выяснилось, что голова туда пролезла гораздо легче, чем должна была пролезть обратно.

Уши зацепились за деревянную раму окна.

Я дёрнулась.

Не получилось.

Попробовала ещё раз.

Тоже не получилось.

И тут я поняла:

Я застряла.

Вот тогда мне стало не до прятков.

— МАМА!

Мама сначала не поняла, откуда я кричу.

— Аня? Ты где?

Отличный вопрос.

Я сама хотела это знать.

— МАМА!!!

Я начала дёргаться.

Чем сильнее дёргалась, тем хуже становилось.

Воздух там вообще-то был.

Если сейчас подумать спокойно, я прекрасно могла дышать.

Но тогда мне было совершенно не до спокойствия.

Мне казалось, что я сейчас задохнусь.

Началась паника.

Я кричала.

Мама бегала по комнате и не могла меня найти.

А потом, наверное, заметила кусочек моего платья.

Стоящий из стены.

— Аня?!

— Я ЗДЕСЬ!

Мама подошла.

Увидела меня.

И, судя по всему, в тот момент у неё одновременно случилось несколько чувств.

Она испугалась.

Ей стало смешно.

Потом, наверное, снова стало страшно.

А я в это время уже решила, что всё.

Вот так и закончатся мои прятки.

Внутри мебельной стенки.

Вместе с ушами.

Сестра тоже прибежала.

Посмотрела.

И начала смеяться.

Очень хорошо.

Потому что когда тебе страшно, а рядом кто-то смеётся, становится значительно легче.

Особенно если этот кто-то твоя сестра.

— Не смейся! — заорала я.

Она, конечно, смеялась ещё сильнее.

Мама попыталась меня вытащить.

Потянула.

Не получилось.

Ещё раз.

Ничего.

А шкаф не подвинуть.

Он стоял намертво.

Папы дома нет.

Отодвинуть эту махину мы не можем.

И я торчу в этой щели, как будто сама себя туда аккуратно упаковала.

Мама открыла окно.

— Дыши!

Я и дышала.

Только мне казалось, что воздух почему-то закончился во всей квартире.

Сейчас я понимаю, что воздуха было достаточно.

Просто я испугалась.

Очень.

Когда человек пугается, ему иногда становится трудно дышать даже там, где воздуха хоть отбавляй.

Но объяснить это себе маленькой девочке было невозможно.

Мне было страшно.

Очень страшно.

В конце концов мама всё-таки умудрилась меня вытащить.

Кажется, вместе с волосами.

И с остатками моего достоинства.

Я вылезла оттуда растрёпанная, красная и очень злая.

На сестру.

На шкаф.

На окно.

На эту проклятую щель.

И, наверное, немного на себя.

Потому что кто вообще додумался прятаться в месте, из которого потом невозможно вылезти?

Я.

Конечно, я.

Но самое интересное произошло потом.

Когда я уже была на свободе, мама посмотрела на меня и снова начала смеяться.

Я смотрела на неё совершенно серьёзно.

Мне было не смешно.

Я только что пережила настоящее приключение.

А мама смеялась.

Сестра смеялась.

И через какое-то время я тоже начала смеяться.

Потому что со стороны, наверное, это действительно выглядело забавно.

Маленькая девочка решила спрятаться так хорошо, чтобы никто её не нашёл.

И добилась своего.

Настолько хорошо спряталась, что потом её пришлось доставать из стены.

После этого случая я поняла одну очень важную вещь: прятаться надо так, чтобы тебя не нашли.

Но ещё важнее

чтобы ты сама потом смогла найти выход.

Правда, ненадолго.

Потому что я была очень хорошей девочкой.

Просто у меня было слишком много идей.

Глава 5. Сливовый сок

Летом меня отправили в Белоруссию к бабушке.

Я была не одна.

Со мной была моя сестра Саша, а там нас уже ждали двоюродные сестры Яна и Юля.

Лето у бабушки вообще было отдельной жизнью.

Там всегда что-нибудь происходило.

То все куда-то идут.

То кто-нибудь что-нибудь придумал.

То на столе появляется целая гора еды.

То взрослые разговаривают, а мы носимся где-то рядом и совершенно не собираемся им мешать.

В общем, было хорошо.

И однажды тётя Таня подарила бабушке соковыжималку.

Для взрослых это была просто соковыжималка.

Для нас практически научная лаборатория.

Мы сразу решили:

Будем делать сок!

Я на тот момент была городской девочкой и соковыжималку видела, кажется, впервые.

Поэтому понятия не имела, как она работает.

Но это меня совершенно не остановило.

Потому что если у человека есть новая интересная штука, её надо испытать.

Я пошла и нарвала слив.

Много.

Очень много.

Принесла их бабушке.

Бабушка сказала:

— Помой.

Я помыла.

Всё честно.

Бабушка сказала помыть я помыла.

Никто не сказал:

— А теперь вынь косточки.

А если никто не сказал, откуда мне было знать?

Я взяла сливы.

Закинула их в соковыжималку.

С косточками.

Все.

И нажала кнопку.

Сначала соковыжималка, наверное, подумала:

«Интересно...»

Потом:

«А что это она мне принесла?»

А потом просто сдалась.

Что-то загудело.

Что-то закрипело.

И соковыжималка перестала быть соковыжималкой.

Наступила тишина.

Я посмотрела на неё.

Она посмотрела на меня.

Ну, не буквально.

Но мне почему-то казалось, что она очень сильно на меня смотрит.

И тут все начали кричать.

— Аня!

— Ты что сделала?!

— Там же косточки!

Я стояла и совершенно не понимала, почему все так возмущаются.

Я же всё сделала правильно.

Сливы помыла.

В соковыжималку положила.

Кнопку нажала.

Что ещё от меня требовалось?

Оказывается, требовалось убрать косточки.

Вот только об этом мне сообщили уже после того, как соковыжималка перестала работать.

На меня все наорали.

Я стояла рядом и слушала.

А потом бабушка тоже начала ругаться.

Но бабушка долго сердиться не умела.

Поэтому через некоторое время сама начала смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.